

© 1991г.

В.В. САПОВ

ЕДИНСТВЕННЫЙ МОСТ»

(Сергей Левицкий и философия русского солидаризма)

«О свободе можно было бы повторить сказанное Ницше о человеке великое в свободе то, что она мост, а не цель. Но свобода — единственный мост, по которому человек может войти в мир духа.»

«...Экسسсы неприкаянной свободы могут содействовать водворению всемирного рабства.»

С. Левицкий

1

Имя Сергея Александровича Левицкого практически неизвестно у нас в стране. Оно не встречается ни в одной советской энциклопедии, тем более — учебнике; о нем нет ни статей, ни монографий; ни одно из многочисленных его сочинений (а им написано более двухсот статей и четыре книги, не считая докторской диссертации) у нас не опубликовано, и с ними советский читатель до сих пор может познакомиться только по зарубежным изданиям.

И все же, несмотря на «мрак безвестности», окружающий у нас имя и творчество этого несомненно выдающегося мыслителя XX в. можно смело утверждать, что его книгам (если они будут изданы, а хотелось бы надеяться, что будут) обеспечен громкий успех, и, кто знает, может быть наступит такое время, когда его имя на русском философском Олимпе заставит потускнеть иные громкие сей час имена.

Биография С.А. Левицкого пока что известна, к сожалению, лишь в самых общих чертах. Он родился 15 марта 1909 г. (некоторые источники ошибочно указывают 1910 г.) в Либаве (ныне Лиепая) и, таким образом, оказался в вынужденной эмиграции еще до исторических потрясений, постигших Россию в 1917 г.: с мая 1915 по февраль 1919 г. Либавя была оккупирована германскими войсками, а затем входила в состав независимой Латвии. Высшее образование С.А. Левицкий получил в Карловом университете в Праге. В 1922 г. здесь был организован русский юридический факультет, который вскоре вошел в состав Карлова университета. Инициатором факультета был П.И. Новгородцев. Об уровне преподавания на факультете красноречиво свидетельствует его профессорско-преподавательский состав; назовем здесь лишь крупнейшие имена; П.Б. Струве, В.Ф. Тотомианц, В.И. Вернадский, О.С. Булгаков, А.А. Кизеветтер, И.И. Лапшин, Н.О. Лососий, Н.С. Тимашев, Г.В. Флоренский, А.А. Чупров, А.А. Вилков («стипендиат» М.Я. и О.З. Чаадаевых — брата автора «Философических писем» и его жены), А.В. Зеньковский.

В 20-х годах Прага была одним из крупнейших культурных и научных центров русской эмиграции, успешно соперничавшим с Парижем и Берлином. Число русских студентов, обучавшихся на юридическом факультете, временами доходило до 500 [1].

В студенческие годы наиболее глубокое влияние на С.А. Левицкого оказал его учитель Н.О. Лосский, о котором он впоследствии написал несколько статей и теплые воспоминания [2 — 4]. В Карловом университете Левицкий защитил докторскую диссертацию «Свобода как условие возможности объективного познания». Несмотря на раннюю философскую зрелость, первую книгу Левицкому удалось издать лишь в 1948 г. Помешала, по-видимому, вторая мировая война, во время которой Левицкий вступил в члены Народно-Трудового Союза (НТО, одной из крупнейших политических организаций русского зарубежья. После войны, живя в Западной Германии в условиях беженства, он написал книгу «Основы органического мировоззрения» [5], где живо и талантливо изобразил сущность интуитивизма, персонализма и социально-этических учений «солидаризма» [6, с.7].

В 1950 г. Левицкий переселился в Соединенные Штаты и до 1974 г. преподавал русскую литературу и философию в университете Джорджтауна в качестве *emeritus professor'a*. С 1955 по 1965 гг. он работал редактором на радиостанции «Голос Америки» [7].

В 1958 г. Левицкий издал свою лучшую книгу — «Трагедия свободы», предисловие к которой написал его бывший учитель, «патриарх русской философии» Н.О. Лосский. «Книга Левицкого, — писал Лосский, — дает право спокойно смотреть на будущее в уверенности, что он достойный преемник той линии философии, начало которой положил Вл. Соловьев» [6, с 8].

В последующие годы Левицкий довольно плодотворно работал над историей русской философии и общественной мысли [8].

Умер он 24 сентября 1983 г. в одной из клиник Вашингтона от сердечного приступа и погребен на кладбище Rock creek, секция 5 [9].

2

На Западе С.А. Левицкого считают — и с полным на то правом — одним из главных идеологов русского «солидаризма» — направления социально-философской мысли, лежащего в основе политической программы НТС. Роман Редлих, автор небольшой и, кажется, единственной брошюры, посвященной изложению и анализу философского мировоззрения Левицкого, пишет, что «противостояние известных начал свободы и необходимости и солидарности и борьбы занимает в книгах Левицкого центральное место... С. Левицкого можно назвать философом-солидаристом не потому, что он член Народно-Трудового Союза с многолетним стажем, но прежде всего потому, что его анализ начал социального персонализма, свободы и солидарности входит в мировоззренческую основу российского солидаристического движения» [10, с. 11].

«"Начатки"» солидаристического мышления, — считает далее Р. Редлих, — можно найти в России не только у Соловьева, но и у Хомякова и Киреевского, у народников, в мироощущении земских деятелей и "почвенников" конца прошлого и начала нынешнего века. Бесспорно, философия Вл. Соловьева немало дала Левицкому. Но он принимает ее главным образом в направлении развития, приданном ей С. и Е. Трубецкими и С. Франком, взгляды которых он своеобразно сочетает с персонализмом своего учителя Лосского» [Там же, с. 8].

Здесь хотелось бы особо подчеркнуть следующее. В мировоззрении предшественников Левицкого важно не упустить одну очень существенную черту. Почти все они прилагали массу усилий, чтобы не допустить в России бездумной абсолютизации проникавших в нее западных идей — явления, которое приоб-

ретало на русской почве чрезмерные масштабы: вспомним хотя бы, как окарикатурил в свое время учение Ч. Дарвина наш «радикальный публицист» Варфоломей Зайцев. В конце концов та же участь постигла в России и марксизм, с той лишь разницей, что последствия абсолютизации этого «отвлеченного начала» оказались страшнее. Произошло это несмотря на неоднократные предупреждения Вл. Соловьева, несмотря на страстную проповедь Ф.М. Достоевского, несмотря на призывы авторов «Вех», а почему все-таки произошло - это уже вопрос другой. Эту существенную и благородную черту русской философии, которую можно считать традиционной, С.А. Левицкий воспринял настолько органично, что при чтении его произведений ее легко и не заметить. В результате такого прочтения может сложиться впечатление, что мировоззрение Левицкого находится в открытой конфронтации с мировоззрением К. Маркса, что *совершенно неверно*. Если уж непременно надо соотнести мировоззрения этих двух мыслителей, то скорее следует говорить не об их антагонизме, а о взаимодополнительности. Здесь на ум приходит соотношение между дарвиновской «борьбой видов» и «взаимопомощью как фактором эволюции» П.А. Кропоткина.

Впрочем, вот что пишет по этому поводу сам С.А. Левицкий: «Утверждение солидарности в качестве первичного фактора развития может вызвать возражения в форме указания на мощную роль факторов борьбы. Борьба за существование является, как будто, Основным феноменом как природного, так и социального мира, "Война есть отец и царь всех вещей", - говорит Гераклит. "Противоречие есть душа развития", - вторит ему Гегель. Взгляд этот подкрепляется широкой популярностью культивирующих его учений — дарвинизма в биологии и марксизма в социологии, и нужно без обиняков признать, что в нем есть значительная доля истины. Ограничению подлежит лишь абсолютизация факторов противоречия и борьбы, которая столь характерна для марксизма. Ибо не они, сами по себе взятые, являются основными силами развития» [10, с.16].

Эта простая и, по-видимому, бесспорная мысль влечет за собой массу существенных и - по крайней мере для нас, воспитанных на марксистском апофеозе классовой борьбы, — неожиданных последствий. Ведь что, по сути дела, означает знаменитый лозунг авторов «Манифеста Коммунистической партии»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»? С точки зрения философии солидаризма, он означает ограничение или локализацию солидарности внутри одной социальной группы. Согласно же Левицкому, «борьба может существовать только там, где имеется налицо солидарность внутри борющихся групп». «Борьба возможна на основе солидарности, но не наоборот.". И, наконец, «борьба предполагает включенность обеих борющихся сторон в некое объединяющее их единство. Так, классовая борьба возможна лишь в пределах охватывающего эти классы общественного целого" [Там же, с. 16-17].

Последнее утверждение Левицкого может показаться тавтологией. Но следует учесть, что, по его мнению, «исходной точкой метафизики» должна быть не противоположность, между «духом» и «материей», а противоположность между «органическим целым» и «механическим агрегатом». И поэтому если классовая борьба приобретает «антагонистический» (а не «сублимированный») характер, обществу грозит опасность превратиться из «органического целого» а «механический агрегат», что означает его самоуничтожение, или — как показывает это Левицкий — «профанацию», т.е. буквально сведение высших социальных законов к низшим, биологическим, вытеснение первых последними. Человеческое же общество не может жить по биологическим законам хотя бы по той простой причине, что, согласно авторитетному утверждению К. Лоренца, из всего животного мира только два вида — *homo sapiens* и, увы, крысы — лишены инстинкта, удерживающего их от внутривидового убийства. «Ворон ворону глаз не выклюет», гласит шотландская поговорка. Не скажешь этого, к сожалению, о разумных существах — людях.

Левицкий, надо отдать ему должное, как подлинный философ, не оставляет свои выводы на уровне моральной проповеди и социальной декларации. Категорию солидарности он стремится онтологизировать, укоренить ее одновременно и в природе личности, и в социальном бытии. Его рассуждения о социальном бытии представляют значительный интерес, поэтому позволю себе привести еще одну длинную цитату:

«Социальное бытие, — пишет С.А. Левицкий. — есть особая категория, особая область бытия. Подобно душевной жизни, бытие социальное невыводимо из бытия биоорганического, хотя и покоится на нем. Так называемые "фитосоциология" или "экология*" имеют, правда, дело со своего рода сотрудничеством между растительными и животными организмами. Но взаимодействие это лишь с весьма грубыми натяжками может быть признано отдаленно аналогичными явлениями в человеческом мире. Уже факт существования экологии как особой науки, как особой ветви биологии, доказывает неподводимость под нее социологии человека, социологии в собственном смысле слова. Биологические законы действуют до известной степени и в социальном мире, но констатирование этого факта мало что дает для понимания законов социальных.

Но социологию нельзя, равным образом, рассматривать как часть психологии. Разумеется, в социальном бытии есть своя психическая сторона, ибо социальное бытие возникает из взаимодействия между личностями. Однако сущность социальной жизни не исчерпывается ее психической стороной. Ибо главная черта социального бытия подсказывается ее междуиндивидуальным и междугрупповым характером. В социальном бытии мы имеем дело со взаимодействием не только личностей, но и общественных групп, в то время как психология изучает индивидуальную человеческую душу. Это различие достаточно четко отграничивает социологию от психологии.

Бытие социальное и психическое не субординированы друг другу, но координированы друг с другом. Между ними нет иерархического соотношения. Оба вида бытия основываются на биоорганическом базисе, и над обоими возвышается духовное бытие.

Социальное бытие есть своеобразная реальность. Ее основная черта — взаимодействие между индивидами и социальными группами и между самими социальными группами. В этом своем качестве социология — самостоятельная, особая наука, право на существование которой дано особым характером ее предмета — социального бытия.

Социальные взаимодействия носят чрезвычайно сложный характер. В социальной жизни действуют многочисленные и многообразные факторы различного порядка, начиная от факторов чисто механических, биологических, психологических, собственно социальных и кончая факторами духовными. Всякая попытка вывести социальную жизнь из какого-либо одного фактора представляет собой предвзятость, приводящую к грубому насилию над социальными явлениями, представляет собой отражение упрощающей метафизики монизма. Научная социология может основывать свои построения лишь на плюрализме факторов, причем учет их должен сопровождаться стремлением понять социальную жизнь прежде всего из нее самой, из факторов собственно социальных, т.е. из социальных актов и их проводников» [Там же, с.18-19].

Все вышеизложенное позволяет утверждать о С.А. Левицком, что он является философом с очень сильным «уклоном» в социологию. Стиль его мышления правильнее всего было бы определить как социологический. Разумеется, и философичность, и социологичность понимаются здесь не в предметно-онтологическом смысле, а как своеобразная «склонность» ума. В этом смысле «философичность» следует понимать как стремление рассматривать весь мир сквозь призму взаимоотношений Бога и человека, а «социологичность» — как аналогичное

стремление, осуществляемое сквозь призму взаимоотношений общества и личности.

«Личность, — по мнению С.А. Левицкого, — органически включена в общество, как в органическое целое объемлющего порядка, подчиняя часть своего бытия служению Обществу. Вне этой включенности в общество само бытие личности не полно. Отношение между личностью и обществом в принципе есть отношение взаимодополнения, а не изначального антагонизма, сглаживаемого лишь в порядке компромисса. Если, с одной стороны, личность есть часть общества, то в более глубоком смысле общество есть часть личности» [Там же, с.32].

Таким образом, философия и социология в мировоззрении Левицкого образуют единое органическое целое, хотя ошибкой было бы утверждать, что они сливаются до неразличимого единства (последнее вряд ли вообще возможно). Если воспользоваться математической аналогией, то можно сказать, что социология и философия Левицкого представляют собой лист Мебиуса: точки, принадлежащие в разрезе поверхностям-антиподам, оказываются точками единой поверхности, т.е. в сущности не антиподами, а продолжением друг друга. Этим своим свойством мировоззрение Левицкого обязано тому своеобразному пониманию свободы, которое и делает его вполне оригинальным мыслителем.

3

Свобода является главной темой всего философского творчества С.А. Левицкого. Но если в его диссертации («Свобода как возможность объективного познания») и первой книге (где свобода понимается как условие солидарности) понятие свободы имеет как бы прикладное значение, то в книге «Трагедия свободы» оно является одновременно и предметом изучения, и той своеобразной социально-философской призмой, через которую рассматриваются все остальные предметы. Здесь уже свобода превращается в проблему для самой себя: свобода есть условие свободы и, одновременно, — несвободы.

Нет смысла пересказывать содержание «Трагедии свободы»: это довольно объемный труд, отчасти развивающий идеи предыдущих сочинений Левицкого, включающий в себя историко-философский обзор всех наиболее существенных концепций свободы, имевших место в прошлом, но главным образом это захватывающее повествование о приключениях (может быть, правильнее сказать: злключениях) свободы в XX столетии.

В своеобразном философско-психологическом введении к книге («проблема свободы воли») Левицкий всесторонне исследует основные «составляющие» идеи свободы: свободу действия, свободу выбора, свободу хотения. «Нет проблемы, — пишет он здесь, — которая бы уходила столь глубоко в метафизические высоты и имела бы в то же время величайшее практическое значение, чем проблема свободы воли. В этой проблеме, как в огненном фокусе, скрещиваются основные проблемы гносеологии, метафизики, этики и религиозной философии. С проблемой свободы воли, несмотря на всю ее сугубую теоретичность, невольно сталкивается рано или поздно каждый, коль скоро он задает себе вопрос о последнем основании наших поступков и мотивов» [6, с.9].

Затем следуют три части книги: «Гносеология свободы», «Онтология свободы» и «Патология свободы». Завершает книгу «Социально-историческое приложение», три очерка из которого публикуются ниже (с незначительными сокращениями). Поскольку в этих очерках понятие свободы имеет скорее прикладное, нежели самостоятельное значение, здесь уместно будет хотя бы в

нескольких словах сформулировать то основное содержание, которое вкладывает в понятие свободы Левицкий. Прежде всего он подвергает критическому рассмотрению все виды детерминизма: материалистический, психологический, теологический и логический. Не отрицая начисто ни один из них. Левицкий настаивает все же, что свобода является неотъемлемым атрибутом как бытие вообще, так и человеческой личности: «Свобода составляет внутреннюю природу "я", его сущность. Сознание "я" и есть самосознание свободы» {6, с.98}. Поэтому «формальное определение свободы формулируется следующим образом: свобода есть такое отношение субъекта к его актам, при котором акты эти определяются в качестве решающей причины, самим субъектом... Субъект здесь играет роль верховного арбитра, дающего свое согласие на акт и определяющего собой его целенаправленность» [Там же, с. 121].

Если же, продолжает Левицкий, «понимать свободу исключительно в негативном смысле — как абсолютное отсутствие детерминизма, то необходимо признать, что никакое частное бытие не может быть свободным уже в силу своей обусловленности как предшествующим ходом событий, так и мировым целым... При негативном понимании свободы перед нами, следовательно, стоит дилемма: Свобода присуща или Господу Богу, актом чистого произвола создавшего мир, или же свобода присуща небытию» [Там же, с. 122-123].

Поскольку же "путь гипостазирования небытия для нас закрыт», над свободой возникает реальная угроза превратиться или в иллюзию человеческого сознания, или, в лучшем случае, в чисто пассивную свободу выбора; это свобода «невесты» в выборе «жениха» выбор остается за ней, но сам «набор» женихов для нее «предопределен».

Остается, по словам Левицкого, «только один путь»: найти то, что обще бытию и небытию. «Этой сферой тождества бытия и небытия может быть только возможность» [Там же, с. 23].

Вслед за Вл. Соловьевым Левицкий очерчивает сферу свободы категорией «сущего», а не категорией «бытия». «Только необъективируемый, т.е. подлинный, субъект-возможность может мыслиться свободным.» «Субъект и есть индивидуализированная сфера бесконечных возможностей, он есть сущая мочь бытия" (выражение С.Франка)" [Там же, с. 124].

Таким образом, формулирует свой окончательный вывод Левицкий, «свобода лежит в сущем, а не в бытии Бытие свободно лишь постольку, поскольку оно "может быть иным", то есть поскольку оно не всецело "есть"... Выражаясь афористически, свобода предшествует бытию» [Там же, с. 125].

Только покончив все эти теоретические «расчеты» со свободой, Левицкий переходит в следующей главе к «патологии свободы». Здесь он подвергает специальному критическому исследованию концепции свободы у Хайдеггера, Сартра, Ясперса и Бердяева, рассматривает примеры так называемой «идолатрии свободы». Здесь же затрагиваются проблемы политической свободы, судьбы демократии и тоталитаризма в современном мире и т.п.

О содержании этих глав можно судить на основании публикуемых ниже очерков. Закончить же этот, по необходимости краткий обзор социально-философского учения С.А. Левицкого хотелось бы его словами, которые можно рассматривать и как своего рода "завещание".

«Свободу нужно любить, по завету Бетховена, больше жизни. Но только через творчество, через служение ценностям высшим, чем свобода, свобода исполняет себя и предохраняет нас от легиона демонов рабства, прикрывающихся масками свободы» [10, с.54].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Коналевский П.Е.* Зарубежная Россия. Париж: YMCA-press, 1971.
2. *Левицкий С.А.* Патриарх русской философии (К 90- летию Н.О. Лосского) // Грани. 1960. №48
3. *Левицкий С.А.* Место Н.О. Лосского в русской философии // Новый журнал. 1965. №79.
4. *Левицкий С.А.* Воспоминания о Лосском // Там же. 1977. №126
5. *Левицкий С.А.* Основы органического мировоззрения. Лимбург-Лайн: Посев, 1948.
6. *Левицкий С.А.* Трагедия свободы. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1958.
7. Contemporary Authors. Detroit, 1984. V. 110. P.311.
8. *Левицкий С.А.* Очерки по истории русской философии. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1968: Русская религиозно-философская мысль XX века. Питтсбург, 1975.
9. The Washington Post. 1983. September 25. P.36.
10. *Редлик Р.* (сост.) С.А. Левицкий — философ-солидарист. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1972.